

Актёрская аллея

Надо сказать, что у нашего города в культурно-театральной среде страны совершенно особая репутация. Самарцы издавна славятся своим зрительским равнодушием, пониманием и доброжелательностью, всегда отзывчивы и щедры на искренние оценки и аплодисменты. Безусловно, такое отношение к Театру вообще сложилось за многие годы верной и трепетной любви публики прежде всего к «своим», самарским актёрам. Ведь магия и обаяние театра в его постоянной и неразрывной «обратной связи» со зрителем. Так какими же они были, наши театральные корифеи, те, которыми десятилетиями восхищались и гордились горожане, кумиры, которых помним и чтим до сих пор? Они жили среди нас, своих зрителей и почитателей, ходили по тем же улицам, с ними здоровались, как с добрыми знакомыми, брали пример, гордились родством и соседством! И для многих из нас это не просто Имена, а кусочек собственной судьбы, накрепко переплетённой с судьбой этого города!

Увы, «иных уж нет...» – большинство из них теперь навсегда принадлежат самарской земле. На городском кладбище есть место, знакомое каждому театралу – так называемая «актёрская аллея». Жизнь всегда берёт своё. На смену кумирам ушедшим приходят новые. Его Величество Театр, как и прежде, всё так же почитаем и любим в городе! А Вас, наш добрый самарский зритель, приглашаем ещё раз пройтись по светлой аллее памяти, чтобы сказать всем, кто ушёл, огромное спасибо за тот неиссякаемый ресурс добра и света, что оставили они на долгие годы Самаре.

Крылья Веры

текст | Елена Яшина
фото | из личного архива Владимира Худякова

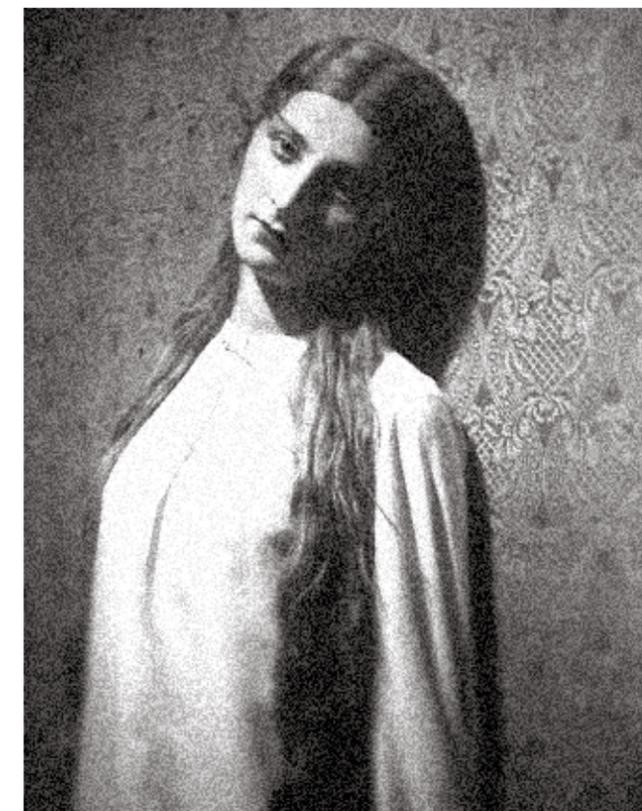

Королева – сегодня и завтра,
В бесконечном сиянье корон.
Вы бессменная гордость театра,
Королевский его эталон!
И в палитре ролей многоликой,
Потрясая наш зрительский мир,
Вы всегда остаётесь Великой,
Даже сняв королевский мундир!

Автор этих стихов – самарчанка Людмила Григорьевна ШАКУТИНА. Кандидат технических наук, депутат Самарской городской думы, общественный деятель, женщина с вечно беспокойным сердцем посвятила их своей знаменитой землячке и подруге, **великой актрисе и прекраснейшей женщине всех времён – Вере Александровне ЕРШОВОЙ.**

О ней, прекрасной королеве нашей самарской сцены, говорили и писали во все годы немало – народная артистка СССР Вера ЕРШОВА была и остаётся гордостью и украшением нашего города! Чувства, которые испытывали к ней самарцы, были достойны её королевского звания – её искренне любили, ею восхищались, преклонялись перед её красотой и талантом! А ещё её чтили – и не за многочисленные звания и регалии, а за тот душевный свет, который не смогли затмить слепящие огни рампы, он был так же ярким, как её талант актрисы. И, «сняв королевский мундир», каждый день спускалась она с подмостков и становилась просто Верусей, Верунькой, Вер Санной.

Человеком она была светлым, лучезарным, лёгким! За 63 года, прожитых ею в Самаре, вряд ли найдётся в городе тот, с кем бы Ершова повздорила или кого обидела, да что там – её хмурой, неприветливой, в плохом настроении никто и никогда не видел! Обладала специфичным, незлобивым чувством юмора, хотя была чрезвычайно остра на язык. Актрисой тоже была послушной и неконфликтной, требовательной прежде всего к себе. Целиком жила в профессии, а прочему, казалось, не придавала большого значения. Свою способность быть всегда немного «над» происходящим и не погрязать в житейской суете объясняла просто – «Я – актриса!». Это парение, полёт великой души над обыденностью и несовершен-

Человеком она была светлым, лучезарным, лёгким!

ствами бытия был дан ей от рождения, так же, как и красота, талант и необыкновенная сила характера.

Родилась она на Благовещенье и сама была похожа на этот первый весенний христианский праздник, добрую весть, дарующую надежду людям. Ещё, наверное с самого рождения, ей дано было Предназначение – не просто стать артисткой, а служить профессии, как служат Родине, Богу, Людям. Такое служение не предполагает ни нормированный график работы, ни гарантированных материальных благ, ни удовлетворения собственных честолюбивых амбиций – оно бескорыстно по своей сути. Вся долгая и яркая жизнь Веры ЕРШОВОЙ в театре – это самоотдача без остатка, порой до самозабвения и осознанных лишений. Однажды в детстве «заболев» театром, она ни разу не усомнилась в правильности выбранного пути и не пожалела ни о чём. **Её как будто бы несли по жизни крылья – крылья Веры, Надежды, Любви.**

И так уж случилось у артистки Ершовой, что и её любовь, и её надежды были неотделимы от Самары. Сама она часто повто-

«Яблочная леди»
1997

«Джюльетта»
1939

Вера Ершова
с мужем
Николаем
Кузьминым

**Нас как-то сразу
потянуло друг к другу,
и мы стали жить вместе...**

ряла: **«Я ваша, самарская!»**. Хотя родилась и выросла актриса в Саратове и, окончив театральное училище, год проработала в Севастополе, затем несколько лет в Курске. У артистов того времени не принято было долго засиживаться на одном месте. В Куйбышев она попала в 1943 году. После войны Ершову наперебой стали звать и в Москву, и в Ленинград, но она уже, по её собственным словам, «прикипела» к Самаре.

Неудивительно, ведь в этом городе её, Веру Ершову, ждала Судьба. Поступив в Куйбышевский драматический театр, она во многом обрела себя заново – здесь пришло к молодой талантливой артистке глубокое осознание своей профессии, актёрская зрелость, настоящее мастерство. А в 1946-м, демобилизовавшись с флота, в Куйбышев вернётся артист Николай КУЗЬМИН, и следующие сорок лет её будут осенять крылья нежнейшей и преданнейшей любви...

Не влюбиться в Ершову, я думаю, было просто невозможно! В ней жила непобедимая женственность, которую не смогла уни-

чтожить бесполой эпоха строителей коммунизма. Город навсегда запомнил её шарфики, шляпки, огромные каблуки! Улыбчивая, озорная, кокетливая, с необычайно мелодичным, богатым на звуковые оттенки и драматические нюансы голосом, которым владела просто виртуозно! Женщина вне времени – ею любовались и восхищались всю её жизнь, и не только мужчины. Помню подслушанный ненароком разговор в фойе театра, в котором зрительница лет сорока рассказывала подруге: **«Иду домой уставшая, злая, растрёпанная, а навстречу мне по улице Ершова: в 70 лет на каблуках, с причёской, красивая, всем улыбается! И так мне за себя стыдно стало!»**. Так что поклонников и воздыхателей разного возраста и статуса она всегда имела множество.

И на момент встречи с Кузьминым уже была в разводе с первым мужем, а тут встретились, познакомились, и сразу ясно – это и есть та самая любовь! **«Нас как-то сразу потянуло друг к другу, и мы стали жить вместе...»** – вспоминала Вера Александровна. Так и жили они вместе, как в сказке, долго и счастливо – целых 40 безоблачных лет! У обоих за плечами к тому времени был первый брак, но они как будто забыли, что когда-то жили друг без друга... Впрочем, они забыли и сходить в ЗАГС, чтобы распечататься. Ведь штамп в паспорте ничего не меняет в отношениях двух людей. Формально узаконивая так называемое «гражданское состояние», на самом деле лишь подтверждаешь имущественное право. Но Кузьмину и Ершовой делить было нечего – весь огромный мир был у них двоих, а они в том мире были единым целым.

Он звал её «Веруся» и «Рыжая», она его – «Колюня». Они были абсолютно разные – и в театре и в жизни, поэтому идеально сошлись как половинки. Николай Николаевич был актёром, что называется, «бытовым», а Вера Александровна – безусловной «героиней»! Роли Кузьмина соответствовали его внешнему облику и внутреннему содержанию: он переиграл всех военных, председателей и партийных работников в репертуаре того времени, а она – всех королей, аристократок и «странных женщин». И если на сцене они встречались редко, то в жизни почти не расставались! Разлучаясь даже на несколько часов, дома оставляли друг другу нежные, смешные записочки. Кузьмин неизменно встречал жену после спектаклей, был самым строгим и доброжелательным её критиком, самым близким другом, а порой той единственной «жилеткой» и «по-

душкой», которая так необходима любой женщине. Он трепетно оберегал её не только от неказистого советского быта, но и от опрометчивых поступков (его Веруся была импульсивна и эмоциональна, а он всегда оставался рассудочен и дальновиден). Будучи парторгом театра, готов был выдержать любой бой с номенклатурой от культуры, лоббируя творческие интересы жены. Двери их квартиры на Самарской всегда гостеприимно распахивались перед коллегами, друзьями и почитателями таланта его прекрасной королевы. Там королева потчевала своих гостей фирменными, «ершовскими» малюсенькими пирожками с мясом и была просто женщиной – любящей и любимой. Сама Вера Александровна о своей любви говорила редко и скупно: **«О любви, вообще, говорить очень трудно»**. Просто жили, работали, были счастливы...

Когда её Колюня осенью 1986-го года уйдёт в мир иной, Ершова не сможет жить в их доме одна. Начальство выхлопочет ей новую квартиру, прямо напротив театра, главным украшением которой станут фотографии мужа, а самыми дорогими вещами – его морская фуражка и китель на вешалке, да ещё его зонтик в прихожей. Потеряв Кузьмина, Вера Александровна на какое-то время потерялась и сама. Сразу навалилось и горе, и одиночество, и неприспособленность к быту. Тогда ей на выручку пришла её подруга – Людмила Григорьевна Шакутина. Она без лишних слов взяла на себя «командованием кораблём», и мало-помалу народная артистка Ершова вышла из крена. В конце концов, с ней оставался театр, любовь зрителей и надежды на новые роли.

Первый раз выйдя на профессиональную сцену студенткой, будущая великая актриса чуть не лишилась чувств от волнения. И за долгие 70 лет не растеряла этот священный трепет – **«каждый раз, как в первый раз!»**. В театре она жила по Станиславскому: любила искусство в себе, а не себя в нём, трудилась истово, без самолюбования и снисхождения. Признавалась: **«Я – самоедка»**. Работа над ролью для Ершовой не заканчивалась премьерой, а спектакль – аплодисментами. Каждую реплику, мизансцену старалась довести до совершенства и, отработав спектакль, подолгу его ещё анализировала... Её самой высшей оценкой для себя самой было сдержанное **«Ну, кажется, сегодня ничего!»**. Народная артистка СССР, прима, она никогда не диктовала свои условия режиссёрам, не принимала никаких поблажек и дисциплинированно выполняла их задумки. Гото-

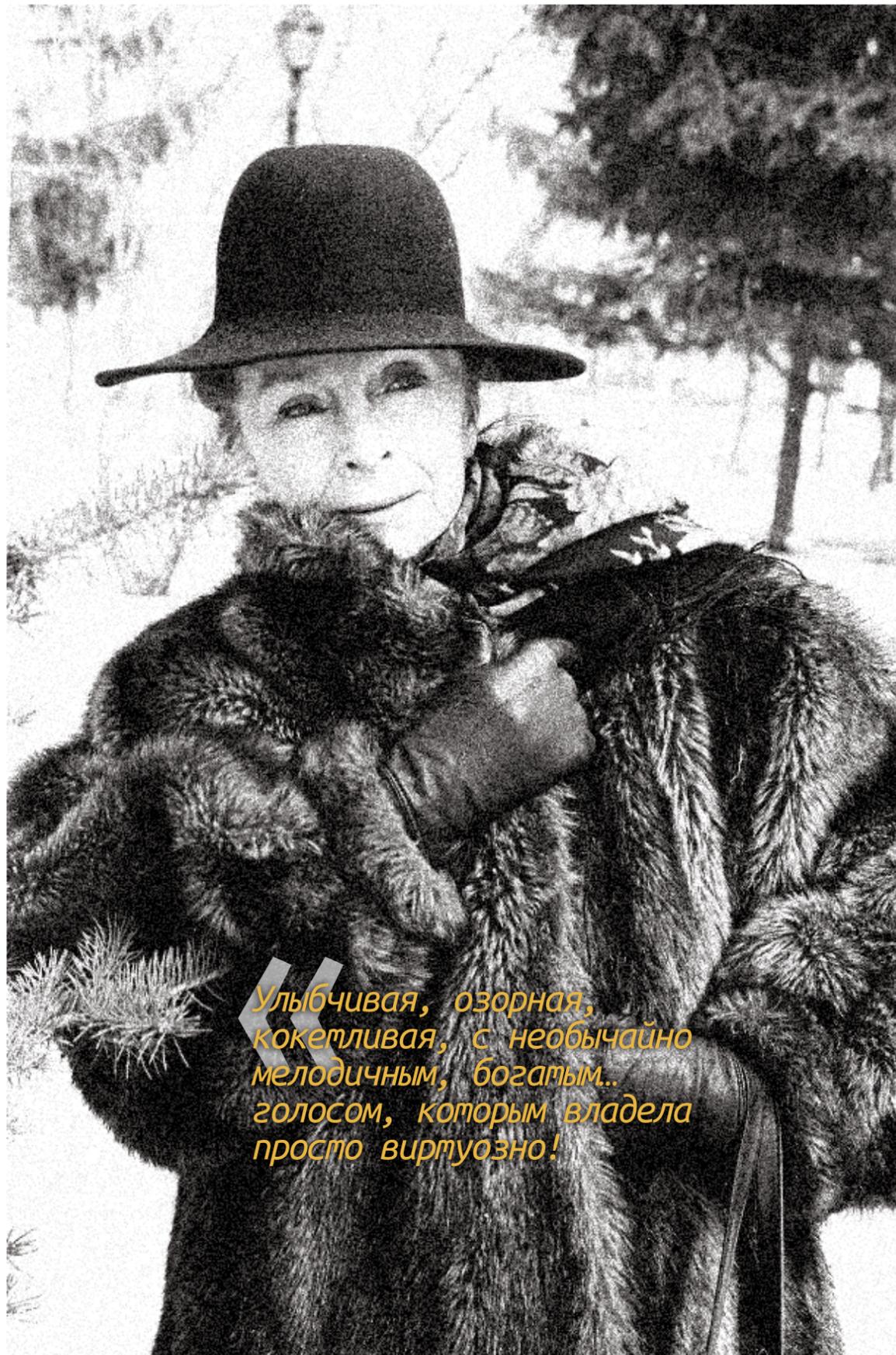
Елизавета
Английская
в спектакле
«Мария Стюарт»

Мадмуазель
Полина
в спектакле
«Крошка»

Цвия
в спектакле
«Сад»
1993

Вера Ершова
в сквере театра
Конец 90-х

Улыбчивая, озорная,
кокетливая, с необычайно
мелодичным, богатым..
голосом, которым владела
просто виртуозно!

Вера Ершова в гримёрке

Совещание
у главного режиссёра:
Кузьмин, Борисов,
Михеев, Ершова,
Монастырский.
Вторая половина 70-х

Кузьмин и Ершова.
Творческая встреча
со зрителями

Вера Ершова
в декорациях
«Гарольд и Мод»
2001

ва была делать кульбиты, учиться свистеть и даже быть на сцене некрасивой... Работать во что бы то ни стало! Театр был для неё жизнью, и не только в привычном, творческом смысле этой фразы. Самарцы так привыкли гордиться своей Ершовой, что она давно уже не принадлежала самой себе. Но почивать на лаврах не могла и не хотела. Ведь для неё самой быть знаменитой актрисой означало не публичную славу и не избыток материальных благ, а ещё больше времени и сил отдавать работе, быть ещё требовательнее и беспощаднее к себе. Не позволять себе быть не в форме, болеть, стареть, не выходить на сцену. «Держать лицо» – любой ценой, ведь не бывает бывших королей! Какова эта цена, знала лишь она сама. Её самым большим откровением зрителям стало стихотворение Беллы Ахмадулиной:

*Пришла и говорю: как нынешнему снегу
легко лететь с небес в угоду февралю,
так мне в угоду вам легко взойти на сцену.
Не верьте мне, когда я это говорю.*

Воистину, каждый имеет то, чего заслуживает – помимо множества государственных званий и наград, Вера Александровна ЕРШОВА была абсолютно обожаема зрителями, уважаема и любима коллегами и сослуживцами, в 1996-м году получила самое высокое признание всероссийского театрального сообщества – «Золотую маску» в номинации «За честь и достоинство в профессии». И навсегда осталась для нас, самарцев, живым эталоном.

Быть Великой Актрисой – это быть Ершовой не только на сцене, но и в жизни! И пока так любимые ею при жизни родные самарские зрители хранят её память – город, как и прежде, будет аплодировать ей стоя!

*Я знаю, что умру, но я вернусь, раз надо!
Так было всякий раз,
так будет в этот раз...*